

ЯЗЫКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА. ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

УДК 82.0

Е. Л. Марандина

*Тюменский государственный университет,
Тюмень*

ЛИНГВИСТИКА ЛОКАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация: *статья посвящена интерпретации лексических средств, участвующих в построении художественного пространства сказок. Названы признаки пространственной организации сказок. Описаны композиционные составляющие, формирующие сказочное пространство. Интерпретированы типы локальности волшебных сказок и средства их лингвистического воплощения в тексте.*

Ключевые слова: *русские волшебные сказки, пространство, локальность, лексика.*

Е. Л. Marandina

Tyumen State University, Tyumen

LINGUISTICS OF LOCALITY IN RUSSIAN FAIRY TALES

Annotation: *the article is devoted to the interpretation of lexical means involved in the construction of the fictional space of fairy tales. Signs of the spacial organization of fairy tales are named. The compositional components forming the fairy-tale space are described. The types of locality of fairy tales and means of linguistic embodiment in the text are interpreted.*

Keywords: *Russian fairy tales, space, locality, vocabulary, lexis.*

Сказки известны нам с раннего детства, они помогают осознать, что такое добро и зло, храбрость и трусость, хитрость, смекалка, готовность прийти на помощь, сочувствие, бескорыстие, благодарность, уважение. Сказки понимают и любят все. По мнению всемирно известного фольклориста В. Я. Проппа, это связано с тем, что в сказке «содержатся вечные, неувядаемые ценности»: поэтичность, задушевность, красота и глубокая правдивость сказки, веселость, жизненность, сверкающее остроумие, сочетание детской наивности с глубокой мудростью и трезвым взглядом на жизнь [8, с. 27]. В монографии В. Я. Проппа приводится такая дефиниция сказки – это устный рассказ, бытующий в народе с целью развлечения, имеющий содержанием необычные

в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением [8, с. 38].

Исследователи фольклора (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, А. И. Никифоров, С. Ю. Неклюдов, А. Н. Афанасьев, В. И. Аникин и др.) предлагают различные типологические классификации сказок, однако всеми выделяются сказки о животных, волшебные сказки, новеллистические (бытовые) сказки, кумулятивные сказки.

Объектом изучения настоящей статьи являются волшебные сказки. Нас интересует языковое воплощение конститутивной текстовой категории сказок – локальности. Под локальностью сказки мы понимаем модель действительности, в которой функционируют персонажи, исторически сложившаяся и воссозданная сказителями, пересказчиками, собирателями сказок. Заметим, что особым образом смоделированная пространственная организация повествования является одним из жанрообразующих признаков волшебной сказки, среди которых можно также упомянуть особую темпоральность (замедление и растягивание действия), необычайность, выполнение трудных заданий с помощью волшебства, наличие мифических существ, волшебных предметов, полученных от дарителей, антропоморфных и природных помощников, трансфигурацию персонажей, троичное испытание героя, счастливый для главных персонажей финал и под.

Прежде всего, отметим свойства пространства как философской и культурологической категории:

- 1) любое пространство обладает антропоцентричностью – это связь с мыслящим субъектом, который воспринимает и осознает окружающую среду;
- 2) непрерывность и протяженность пространства;
- 3) наличие разной степени удаленности: близкое и далекое пространство;
- 4) пространство предметно, оно заполнено вещами, предметами;
- 5) ограниченность пространства: закрытое – открытое;
- 6) направленность пространства: горизонтальная и вертикальная его ориентация;
- 7) трехмерность: верх – низ, спереди – сзади, слева – справа.

Пространство волшебной сказки в самом общем виде обладает перечисленными свойствами. В то же время оно характеризуется специфическими признаками, к рассмотрению и анализу лексической репрезентации которых мы приступаем.

Почти все волшебные сказки начинаются с фиксации места. В зачине сообщается, что действие происходит «в некотором царстве, в некотором государстве». По словам Н. М. Герасимовой,

это пограничная композиционная формула, указывающая на начало повествования [2]. Перед нами традиционная топографическая формула, которая может варьироваться в разных сказках. Наличие синонимических вариаций связано с тем, что устное бытование сказок предполагает возможность по-разному рассказывать один и тот же сказочный сюжет, правда, с сохранением основной канвы повествования. На удаленность и неопределенность места действия указывают также следующие инициальные формулы: «в таком царстве», «в некотором государстве», «в некотором царстве, далеком государстве», «в некотором царстве, на ровном месте, как на бороне, верст за триста в стороне», «не в каком царстве, не в каком государстве», «в одном месте», «в некоем царстве». (В статье мы будем приводить цитаты из нескольких сборников сказок [3; 11; 12].) Указанная начальная формула с первых строк выводит повествование из реального пространства в пространство волшебное (нереальное, ирреальное, фантастическое), лишенное каких-либо ориентиров («пойди туда – сам не знаю куда»). Местоположение этого царства-государства не названо, его отдаленность от точки отсчета, где находится рассказчик, исчисляется старинным способом: «три должно быть умножено на «девять» или «десять». Жанрообразующее волшебное пространство «необычайно велико, оно безгранично, бесконечно» [5, с. 338].

По мнению фольклористов [1; 5; 6; 8; 9; 10], в сказках наличествуют два пространства, два царства: свое (реальное, здешнее, «некоторое царство, некоторое государство») и чужое (волшебное, сказочное, иное, не свое, «за тридевять земель»). Свое пространство характеризуется привычными атрибутами: дом, леса, реки, горы, моря, океаны, острова. Завязка в волшебной сказке сводится к тому, чтобы отправить героя из дома для выполнения какого-либо задания в чужой мир – «в тридесятое царство», «в тридесятое государство», «в тридевятое царство, в тридевятое государство», «туда – не знаю куда», «на тот свет», «по чужим землям, по дальним сторонам», «в подводное царство». Иной мир конкретно не описывается, обычно подвергаются описанию лишь те места, где персонаж останавливается во время путешествия. Внешне он похож на реальный: «там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет» («Морской царь и Василиса Премудрая»). Волшебность такого пространства достигается за счет: а) особых персонажей, живущих в нем; б) наличия волшебных помощников и многочисленных волшебных предметов, наделяющих способностью совершать некие необъяснимые с точки зрения обыденного сознания действия; в) необычных действий, происходящих по воле какой-то неведомой силы.

Сказочное пространство населено сказочными людьми и мифическими персонажами, добрыми

и злыми. Среди них грозный царь, колдун, баба-яга, Кощей Бессмертный, Змей-Горыныч, лешие, водяные, кикиморы, морской царь, царевна-лягушка и др.

Обязательным атрибутом нереального пространства являются волшебные помощники – живые существа (человек, дух, животное), оказывающие помощь герою в выполнении задания, быстром преодолении большого расстояния. Это мудрые, верные друзья и советчики персонажа. Зооморфные помощники точно знают, что пригодятся в будущем и тем самым отплатят за доброе отношение, которое проявил к ним герой. Они как будто предвидят будущее. Медведь, селезень, заяц и щука утверждают, что еще пригодятся Ивану-царевичу («Царевна-лягушка»). Да и сами «жители» тридевятого царства знают будущее. Так, Марья-царевна говорит: «Это не служба, а службишка, служба будет впереди» («Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»). Или Василиса Премудрая: «Это не беда, беда впереди будет», обернулась горлицей и улетела выполнять задание, которое получил Иван-царевич («Морской царь и Василиса премудрая»).

Помимо этого, волшебные помощники и предметы выполняют «функцию переправы» [5, с. 191], когда герой отправляется в путешествие, идет «куда глаза глядят», наугад, «не зная ни пути, ни дороги», «близко ли, коротко ли». Попасть в иное пространство несложно – нужна лишь помощь волшебного персонажа. Так, в сказке «Финист – ясный сокол» Марьюшка «шла чистым полем, шла темным лесом, высокими горами», а потом волк посадил ее на спину и поскакал: «впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются». Традиционный помощник конь так же быстро переносит своего друга на царский двор: «Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застилает, пни-колоды промеж ног пускает». В «Царевне-Лягушке» помогает найти дорогу в чужое пространство клубочек: «катится по высоким горам, по темным лесам, по зеленым лугам, по топким болотам, по глухим местам». В данных примерах однонаправленные передвижения персонажа в пространстве даны в линейной перспективе, то есть техника изображения предметов какой-либо поверхности связана с тем, что персонаж наблюдает все с высоты своего роста, объекты определенного локуса как бы выстроены в линию. По мере перемещения субъекта вперед в его поле зрения (прямо перед собой, в стороны или снизу вверх) исчезают одни объекты и появляются другие. Обычно герой движется в одном направлении, не отклоняется от выбранного курса и не возвращается в ранее посещенные места [4; 7, с. 253–254].

В сказке «Иван Царевич и серый волк» Иван-царевич и Елена Прекрасная летят на волке: «синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает». Буй-волк помогает догнать

флот по воздуху в другой сказке: «Полетел Буйволк пыльче вихря-урагана, как каленая стрела с туго спущенного лука. Поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего» («Буйволк и Иван-царевич»). В сказке «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» помощником выступает природная стихия – ветер: «подхватил Андрея буйный вихрь и понес – горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают». При передвижении по воздуху реализуется панорамная перспектива изображения объектов пространства, взгляд персонажа и рассказчика направлен сверху вниз.

Волшебные предметы в сказке действуют как живые существа и выполняют аналогичные функции. Так, ковер-самолет, сапоги-скороходы – мгновенно переносят героя из одной точки пространства в другую (в тридевятое царство и обратно). Вода мертвая и живая помогает оживить персонажа. Волшебный клубочек или колючка показывают путь. Скатерть-самобранка, печь, яблоня беседуют и кормят путника, а шапканевидимка прячет его при необходимости. Гусли-самогуды заставляют кого-либо танцевать, а наш герой в это время уносится вдаль. Три диковинки (сказка «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что») выполняют такие действия: топор – сам рубит деревья и строит ко-рабль, дубинка – сама бьет неприятеля, дудка – призывает войско и отзывает его обратно. В сказке «Финист – ясный сокол» много волшебных предметов: серебряное блюдечко и золотое яичко показывают Марьюшке Финиста, серебряные пальцы и золотая иголочка сами вышивают, золотое веретенец само прядет золотой нитью.

Кроме того, волшебные предметы могут видоизменять пространство. Например, полотенце может стать широкой или огненной рекой, чтобы преградить путь преследователям, помочь персонажам уйти от погони. Такую же роль играет гребень, превращающийся в непроходимый лес, а брошенный за спину камень становится высокой горой.

В пространстве сказки происходят необычные действия, например, за ночь появляется дворец там, где его не было, или за ночь можно выткать ковер невиданной красоты с изображением всего, что есть в государстве, или вдруг появляется остров в океане с дворцами и с теремами. А объясняется это все просто – «откуда ни возьми». Последнее связано с традиционной для сказки мгновенной трансформацией пространства. В «Царевне-лягушке» Василиса Премудрая начала плясать, «махнула левым рукавом – стало озеро, махнула правым – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро, и лебеди». Напомним, Василиса Премудрая еще накануне сама была лягушкой. В другой сказке серый волк превращается в Елену Прекрасную, чтобы дать возможность персонажам скрыться. Получается, что превращение

персонажа в животное и обратно так же считается указателем волшебного пространства. Особенно часто это происходит во время бегства или погони. Персонаж превращается в то животное, которое легче всего может догнать или убежать от преследователей, а также быстрее добраться до пункта назначения (волк, петух, птица, щука, голубка, горлица, уточка).

Иногда для достижения цели герой может поменять свой облик, свою наружность. Подобную трансфигурацию наблюдаем в сказке «Сивка-бурка»: «Иван коня погладил, взнуздal, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать». Так же легко Иван меняет свой облик на прежний: «Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком».

На границе своего и чужого пространства стоит избушка на курьих ножках, в которой живет страж этой границы – баба-яга, и через которую осуществляется вход в другой мир. Избушка окружена забором из человеческих костей, на заборе вместо горшков – черепа, вместо засовов – ноги, вместо запоров – руки. Это жилище, как и положено сказочному предмету, пританцовывает, поворачивается, куда попросят: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!». Хозяйка избушки всех желающих в свой мир не пускает, кого съест, кому трудное задание даст, кому поможет (даст волшебный предмет), а кто сам ее перехитрит. Баба-яга умеет колдовать, предсказывать, похищать людей, во-евать с ними и давать советы. Она выглядит устрашающе, чтобы соответствовать статусу мифического давно умершего существа. Это сгорбленная старуха с длинными нечесаными волосами, с синим крючковатым носом, с костяной ногой, глаза красным горят. Она принадлежит не к человеческому миру, а к миру мертвых. Часто избушка ассоциируется с гробом: в нем очень тесно, поэтому у нее «ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос» (потолок – здесь крышка гроба) или «на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Передвигается по миру она в ступе (похожей на колоду, прообраз гроба), замечает следы помелом (часть славянского ритуала погребения мертвых). Пространство избушки на курьих ножках – закрытое, замкнутое, тесное настолько, что разместится в нем сложно. Однако, пространство это изменчивое в том случае, если герой остается ночевать у бабы-яги, его кладут на отдельное спальное место, то есть по мере необходимости стены избушки могут раздвигаться.

Персонажи сказок всегда преодолевают большие расстояния, это условие получения желаемого. Д. С. Лихачев отмечал, что «расстояния вносят в сказку масштабность, своеобразную пафосность. Пространством оценивается

значительность совершаемого» [5, с. 337]. Действительно, расстояния в волшебных сказках максимально гиперболизированы. Для выполнения задания нужно преодолеть огромное расстояние, которое измеряется тройным количеством съеденных железных хлебов, изношенной железной обувью, изломанными железными посохами. «Меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных изорвешь» («Финист – ясный сокол»); «Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь – только тогда и разыщешь меня» («Царевна-лягушка»). Как мы видим, открытая, ничем не ограниченная локальность максимально расширяется.

По окончании тройных испытаний герой возвращается домой обычно с невестой или женихом / мужем (в случае если красна девица или жена выручала из беды суженого или мужа). «Поехали они в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят» («Финист – ясный сокол»); «Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кошечевой конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство» («Царевна-лягушка»). Получается, что дом – объект пространства, с которого начинается и которым заканчивается путешествие и все действие в сказке.

Перечислим лексические репрезентанты локальности волшебных сказок:

а) существительные, имеющие в своем значении категориальную сему «место» / «пространство»: государство, царство, поля, озера, горы, луга, леса, реки, болота, избушка, терем, дворец. Сюда же можно отнести все номинации персонажей из мира людей и мифических существ, волшебных помощников и волшебные предметы;

б) прилагательные, характеризующие объекты пространства: чистое (поле; большое, не имеющее локальных ограничителей), высокие (горы), широкие (степи), глухие (места), чужие (земли), дальние (стороны), жутких размеров, неожиданный, невиданный, необыкновенный, удивительный, дивный;

в) глаголы, указывающие на действия, разворачивающиеся в пространстве: упираются (в облака); шел, шел; идет, идет; ходил, ходил (удвоение глаголов свидетельствует о длительности путешествия, следовательно, речь идет о больших расстояниях), сходить (на тот свет), прошел (много царств и земель), не перескочит, не перелетит (через огненную реку), возникли, появились, съжился, распался, исчезли, пропали, не стало, стало;

г) местоимения, как правило, неопределенные формируют аналогичное пространство: не-которое (царство), что-то, кто-то, какой-то;

г) пространственные наречия: далеко ли, близко ли, долго ли, коротко ли, откуда-то,

ку-да-то, где-то;

д) числительные: в три года не доехать; два дня искал, на третий нашел; на целые десять верст, есть пустошь на тридцать верст. Числительные косвенно квалифицируют пространство как масштабное, которое можно преодолеть за большой срок. В контексте «трех верст не дойдешь (до чего?)» вроде бы есть конкретный указатель расстояния, но не сказано, где точка отсчета и пункт назначения, опять же подобная языковая формула создает эффект большого неопределенного пространства.

Итак, категория локальности в сказочном тексте является важным композиционным элементом, в своем или чужом пространствах происходят все действия героев. Пространство сказки необычайно велико, оно безгранично, бесконечно, не имеет отношения к реальному пространству, но в то же время тесно связано с действием [5, с. 338]. Пространство сказок можно квалифицировать как динамичное, постоянно меняющееся. Оно то замкнутое точечное, то безграничное открытое, то далекое, то близкое, то тесное, то свободное, то это подводное царство, то полет выше гор, то дремучий лес, то чистое поле, то топкое болото. Обычно рассказчик дает какие-то пространственные ориентиры, иногда они отсутствуют («пойди туда – не знаю куда»). Локальность сказки является жанрообразующим критерием, она способствует созданию нереальной мифологической картины мира, сказочной формы бытия.

Список литературы

1. Аникин В. И. *Русские народные сказки*. М.: Детская литература, 2001. 208 с.
2. Герасимова Н. М. *Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки*. URL: https://folk.ru/Reserch/gerasimova_prostranstvenno_vremennye.php?rubr=Reserch-articles (дата обращения: 25.11.2018).
3. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева*. В 3 тт. М., Наука, 1985. 1500 с.
4. Лебедева К. В. *Особенности пространственно-временной организации текста русской волшебной сказки // Молодой ученый*. 2015. №11. С. 1635-1638. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19808/> (дата обращения: 07.11.2018).
5. Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. 360 с.
6. Мелетинский Е. М. *Герой волшебной сказки*. М.: Традиция. 2005. 240 с.
7. Папина А. Ф. *Текст: его единицы и глобальные категории*. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
8. Пропп В. Я. *Русская сказка*. Л.: изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
9. Пропп В. Я. *Морфология волшебной сказки*. М.: Лабиринт-пресс, 2003. 144 с.
10. Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
11. *Русские сказки*. (Из сборника А. Н. Афанасьева). Сост. В. И. Аникин. М.: Художественная

литература, 1987. 384 с. (Серия «Классики и современники»)

12. Русские сказки. Под ред. Г. Н. Губановой. М.: Аст-рель АСТ, 2006. 240 с.

References

1. Anikin V. I. *Russian folk tales*. M.: Children's literature, 2001. 208 p.
2. Gerasimova N. M. *Space-time formulas of the Rus-sian fairy tale*. URL: https://folk.ru/Reserch/gerasimova_prostranstvenno_vremennye.php?rubr=Reserch-articles (date accessed: 25.11.2018).
3. *Russian folk tales by A. N. Afanasiev*. M.: Science, 1985. 1500 p.
4. Lebedev K. V. *Peculiarities of spatial-temporal organi-zation of a text Russian fairy tales // the Young scientist*. 2015. No. 11. P. 1635–1638. URL <https://moluch.ru/archive/91/19808/> (date accessed: 07.11.2018).
5. Likhachev D. S. *Poetics of old Russian literature*. M.: Science, 1979. 360 p.
6. Meletinsky Em *Hero of a fairy tale*. M.: Tradition. 2005. 240 p.
7. Papina A. F. *Text: it units and global categories*. M.: Editorial URSS, 2002. 368 p.
8. Propp V. Ya. *Russian fairy tale*. L.: publishing house of LSU, 1984. 336 p.
9. Propp V. Ya. *Morphology of the fairy tale*. M.: Labyrinth press, 2003. 144 p.
10. Propp V. Ya. *Historical roots of the fairy tale*. M.: Labyrinth, 2001. 192 PP.
11. *Russian fairy tales*. (From the collection of A. N. Afanasyev). Comp. I. V. Anikin. Moscow: Khudozhestven-naya Literatura, 1987. 384 p.
12. *Russian fairy tales*. Under the editorship of G. N. Gubanova. M.: Astrel AST, 2006. 240 p.